

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ГАСТРОЛИ

Это не бред, это Россия

В Пермском ТЮЗе прошли гастролы «Коляда-Театра» из Екатеринбурга

ПАВЕЛ КАТАЕВ

Билеты на спектакли «Коляда-Театра» были раскуплены задолго до начала гастролей. На уик-энд с 22 по 24 апреля в афише стояли «Борис Годунов», «Мёртвые души», «Скрипка, бубен и утюг», а также две детские пьесы — «Кот в сапогах» и «Дюймовочка». Пермский ТЮЗ серьёзно готовился к приезду екатеринбургской труппы: событие активно освещалось как городскими СМИ, так и непосредственно силами «принимающей стороны». Поводы для опасений были: в 2011 году постановке «Тарантул, мастер каллиграфии» пермская публика аплодировала стоя, а вот на «Гамлете» массово покидала зал...

Театр, основанный заслуженным деятелем искусств РФ Николаем Колядой в 2001 году, создал себе впечатляющую репутацию. Её составляющие — более 40 спектаклей в репертуаре, международный конкурс драматургов «Евразия», ежегодный фестиваль «Коляда-Plays», сад, в котором каждый может повесить цветную ленточку, и художественный руководитель, готовый угощать зрителей фирменным супом. «Коляда-Театр» говорит с публикой на особом драматургическом языке — живом, инсценированном, иногда грубоватом, с узнаваемыми окказионализмами.

Пермские гастролы открылись трагедией «Борис Годунов». «Главная тема пьесы — народ и власть — отступает на второй план. В центре внимания оказывается сущность русского характера, долготерпение и всепрощение русских», — комментирует свою работу «Коляда-Театр». Тем не менее пушкинский текст на месте, равно как и старая добрая постмодернистская эклектика: иконы на ковриках, бидоны, жестяные подносы, огромные плюшевые медведи и авоськи, которые надевают в качестве масок. Тот самый народ-персонаж выглядит как толпа скоморохов, кривляющихся на сцене.

Будто обременённые своими социальными ролями, царь и князья, равно как

и простолюдины, носят мешочки, напминающие горбы, и снимают их в минуты откровений или размышлений. Роль царя Бориса по-новому осмысляет заслуженный артист РФ Олег Ягодин (тот самый, из фильма «Орлеан»). Другой сквозной образ — мясо, самое настоящее, куриное. Возможно, это символ исторического рока: князья Воротынский и Шуйский разрывают и едят его, когда обсуждают судьбу престола; монах Пимен разрубает тушку, когда пишет летопись; Борис набивает этими кусками матрёшки, пока ещё чувствует власть в своих руках; юродивый бросает куски вслед царю в финале.

Вспоминается фильм Алексея Германа-старшего «Трудно быть богом»: те же духота, затхлость и мрачное безумие. Прояснение наступает лишь тогда, когда народ монотонно повторяет за Юродивым, глядя в зал: «Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит». «Борис Годунов» в интерпретации «Коляда-Театра» — это если не о власти, то о болезненном абсурде, которым обрастает гладкая властная вертикаль.

Екатеринбуржцы привезли в Пермь ещё одно произведение русской классики в форме контролируемого сценического балагана. На первый взгляд, постановка поэмы «Мёртвые души» выглядит веселее — как нарочито пошлая провин-

«Мёртвые души»

циальная фантазмагория. Помещики и слуги одеты в спортивные костюмы с принтом под хохлому, дамы носят разноцветные парики и разноцветный же макияж, Чичиков (Никита Борисов) катит по Руси в садовой тачке под песни из ротации «Дорожного радио».

Действие закручивается в сумасшедший вихрь вместе с нехитрыми декорациями, реквизитом и актёрами. Последние постоянно что-то делают, произносят несколько видоизменённые реплики из гоголевской поэмы, но всё это имеет весьма косвенное отношение к реальному сюжетному плану. Постановку Николая Коляды стоит воспринимать как странство кривых зеркал, в которых то и дело мелькает современность. Так, Собакевич (прекрасная работа заслуженного артиста РФ Сергея Фёдорова), одетый в мятый костюм, говорит голосом Бориса Ельцина. Плюшкин (ещё один персонаж Олега Ягодина) выглядит и ведёт себя как криминальный авторитет. Обсуждая покупку мёртвых душ, герои передвигают советские куклы-неваляшки.

Появляется в постановке и сам Гоголь (Ринат Ташимов), который произносит в конце первого акта и в финале — нет, не монолог про птицу-тройку (его протараторит Чичиков несколько раз по ходу пьесы) — фрагмент, начинающийся со слов: «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...» Этот момент, как, впрочем, и другие короткие затишья, кажется отдыхом. За те три часа, что длится спектакль, в абсурдистской зеркальной комнате начинает не хватать воздуха и здравого смысла. Впрочем, в этой обстановке и не должно быть комфортно, если вспомнить, что Гоголь вообще-то описывал русскую версию Дантова ада.

Завершились гастролы постановкой комедии Николая Коляды «Скрипка, бубен и утюг». «Придорожное кафе, осень, бабье лето». Второй день свадьбы Леонида и Натальи: он сельский, она городская, с момента знакомства прошло два месяца... Только теперь родители молодожёнов начинают понимать, что сочетание «пролетариат и интеллигенция» сулит скандальные притирки, но «после свадьбы кулаками не машут», надо как-то жить.

На сцене Пермского ТЮЗа развернулась банальная русская свадьба со всеми вытекающими: дракой, танцами под Верку Сердючку, ансамблем «Сексуаль-

ный шоколад» и свиной-стриптизёршей (это не шутка). Больше всего происходящее напоминает другую отечественную комедию — фильм «Горько». В диком праздничном чаду смешиваются истощенный смех, слёзы, брань, истерики и отборная безвкусица. При этом жизненный закон, озвученный Викой Цыгановой: «Весело веселье — тяжело похмелье!», действует безотказно.

Актёры «Коляда-Театра» вновь неугомонно вертятся на сцене, живо изображая банкет в придорожном кафе. Между тем развитие сюжета явно пробуксовывает, в перерывах сватки горячо выясняют отношения, но конфликт будто топчется на претензиях по поводу палёной водки и оскорблений в адрес невесты. Жениха Лёню (эмоциональная роль Игоря Алёшкина) настигает разочарование: в первую брачную ночь выясняется, что белая фата Наташи (своенравной героини Веры Вершининой) оказалась ложным символом невинности, однако и этот конфликт увязает в ворохе обыденных препираний. Даже внезапный дождь, прекрасно изображённый на сцене настоящими водными струями, не кажется очистительным, и видимых трансформаций с героями не происходит. Дело сделано, свадьба сыграна, надо жить дальше. Мать жениха (заслуженная артистка РФ Вера Ирышкова) произносит в перерывах между спорами и кутежом прописную истину: «Это не бред, Людмила Ивановна. Это — Россия».

Очевидно, выбор комедии в качестве завершающего аккорда был обусловлен прежним опытом. Если так, то это сработало: публика смеялась, аплодировала и заставляла труппу несколько раз выходить на бис. Несмотря на то что некоторые зрители снова покидали зал во время спектаклей, на общей реакции это сказалось незначительно. Аншлаг сохранился до конца гастролей.

«Коляда-Театр» показал пермской публике русское безумие, одетое в разные карнавальные костюмы. Будь то пушкинская трагедия, театрализованный гоголевский эпос или новая свадебная комедия, проблемы бедовых людей (всех нас?) смягчались динамичной актёрской игрой, бурным мизансценированием и пёстрыми декорациями. Однако под шутовством обычно скрывается социальная критика, а в случае «Коляда-Театра» — рефлексия на уровне национального самосознания.

«Скрипка, бубен и утюг»